

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" № 14/09/2012 www.afficha.info

Плотью плоть поправ. Патрис Шеро читает Пьера Гийота.

Екатерина Богопольская

Патрис Шеро снова предается своему излюбленному занятию - публичному чтению любимых авторов. У всех на памяти еще «Записки из подполья» и «Великий инквизитор» Достоевского. В последние годы на разных сценах Парижа и других европейских городов Шеро читает главы из автобиографического романа Пьера Гийота «Кома». Последний этап – сентябрь, театр de la Ville (Городской театр).

Пьер Гийота (1940) вошел в литературу как писатель поколения алжирской войны. Призванный в 1960, в 1962 году Гийота арестован в Большой Кабилии по обвинению в подрыве боевого духа армии и попытке дезертирства, и после 10 дней непрерывных допросов заключен на три месяца в подземный каземат, а затем направлен в дисциплинарный батальон. Этот опыт оказывается решающим для будущего писателя Пьера Гийота.

Вернувшись в Париж, занимается журналистикой. В 1965 году появляется его роман «Могила для 150 тысяч солдат», затем «Эдем, Эдем, Эдем», почти сразу же запрещенный французской цензурой, но принесший ему известность и репутацию «проклятого поэта». Другие его произведения: «Прыжок вперед» (1973), «Проституция» (1975), «Бивуак» (1987). «Кому», появившуюся в 2006, критики называют «книгой одного из последних французских авангардистов, написанной в почти традиционной манере». Действительно, его первые романы буквально взрывали традиционное восприятие и нетрадиционной тематикой, и ни на какой другой не похожим языком, и плотным рядом насилия и гомосексуальной эротики.

«Кома» - сбивчивый, расколотый на фрагменты рассказ-рефлексия от первого лица, напоминающий по форме дневник писателя. Но не тот, что заполняется день за

днем аккуратным почерком, а тот, что пишут в редкие проблески сознания между приступами горячечного бреда. Действие сосредоточено в начале 80-х, когда Антуан Витез ставит в театре Chaillot роман «Могила для 500 тысяч солдат», и представляется как своего рода путешествие вглубь себя... Это был период, в который Гийота начал писать роман об алжирском проституте Самора Машеле, "соблазнителе и пророке". Гигантский труд потребовал концентрации всех сил и в очередной раз вверг автора в депрессию. От нее Гийота спасался в основном заглывая порошки анальгетика компралгила, иногда до ста в день (тогда их можно было купить без рецепта), и довел себя до полного физического истощения, – буквально впал в кому. Такова автобиографическая основа романа. Хотя главный его подводный сюжет – это истовые поиски последнего смысла самого существования и творчества: спустившись в бездну самоуничтожения, автор на самом деле воскресает. Своего рода книга плоти, через которую воплощается слово. Тело как бы становится евхаристическим, через самоуничтожение, самопоедание и рождается Творчество. Смертию смерть поправ - применительно к «Коме» можно сказать «плотью плоть поправ».

Шеро все пропускает через себя. Иначе не умеет. Здесь опять совпала личная тема Шеро-режиссера и писателя Пьера Гийота. Мотив тела как наваждения проходит через все спектакли Шеро. Не случайно, он включил чтение «Комы» в программу «Лица и тела», которой два года назад режиссера чествовали в Лувре.

Впрочем, то, что происходит во время спектакля Шеро (он использует не весь текст, а несколько отрывков), чтением в прямом смысле не назовешь. Впечатление первое. Шеро с листами бумаги в руках, один на пустой сцене, на которую ступает босыми ногами. И эта ничем не скрываемая, обнаженная и беспомощная плоть, выставленная на обозрение, словно частица той страдающей плоти, о которой говорится в тексте Гийота.

Голос Шеро постепенно заполняет, вбирает в себя огромное пространство сцены Городского театра. Сначала робко, словно спотыкаясь, словно не хватает дыхания (актерский страх сцены - возможно ли с таким-то опытом, как у него?), потом все более свободно, словно принимая в себя, в свое тело страдания другого. Он то стоит, то присаживается на авансцену, то кружит по ней, словно повторяя лихорадочное внутреннее движение, сбедающее его героя. Почти танец. Хореограф Тьерри Тьеу Нуанг, постоянный спутник режиссера в жизни и в сценических созданиях, придумал для него настоящую партитуру движений, каждый взмах рук, остановки, неустойчивое равновесие, все работает на передачу внутреннего состояния, словно тело тоже участвует в поисках языка, о котором говорится в «Коме». И одновременно есть здесь чисто режиссерская смена угла зрения, состояний. Никакого актерствования. Текст словно разыгрывается сам собой, включая всех нас, зрителей, в мощную актерскую и человеческую ауру Патриса Шеро.

«Произведение существовало где-то здесь, под моими пальцами, как голоса, которые я должен высвободить из моего чрева»,- говорит в первые минуты спектакля Шеро, чтобы закончить полтора часа спустя этим признанием, истиной, открывшейся автору на сельском погосте, где похоронены его отец и мать: «... Меня пронзает ощущение: все, что мной написано - лишь прах, и стоит только наклонить страницу, этот прах соскользнет, а с ним заодно и весь смысл» (пер. Ек. Богопольской).